

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ
ПОВЕСТЬ СМУТНОГО
ВРЕМЕНИ

Литрес

Алексей Толстой
Повесть смутного времени

«Public Domain»

1922

Толстой А. Н.

Повесть смутного времени / А. Н. Толстой — «Public Domain»,
1922

Из рукописной книги князя Туренева «Во исполнение зарока, припоминаю всё, что видели грешные мои глаза в прошедшие лютые годы... Начинаю неторопливым рассказом о необыкновенном житии блаженного Нифонта».

© Толстой А. Н., 1922

© Public Domain, 1922

Содержание

Из рукописной книги князя Туренева	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Алексей Толстой

Повесть смутного времени

Из рукописной книги князя Туренева

На седьмом десятке жизни случилась со мной великая беда: руки, ноги опухли, образ божий – лицо – сделалось безобразное, как бабы говорят, – решетом не покроешь. Одолели смертные мысли, взял страх. Ночью слез я с лежанки, пал под образа и положил зарок – потрудиться, чем бог меня вразумит.

Как вешним водам сойти, послал я нарочного в Москву к знакомцу, к дьяку Щелкалову, с подарками: два десятка гусей копчёных, полбочонка мёду, да бочонок яблоков мочёных, кислых, чтобы выдал мне из дворцовой кладовой тетрадь в сто листов бумаги доброй и чернил – чем писать. И вот ныне, во исполнение зарока, припоминаю всё, что видели грешные мои глаза в прошедшие лютые годы. Из припомненного выбираю достойное удивления: неисповедим путь человеческий! А как стал припоминать, вначале-то, – господи боже! Плюнул, положил тетрадь за образ заступницы: дрянь люди, хуже зверя лесного. Злодейству их нет сытости.

Но отойдя и поразмыслив, положил я всё же начать труд грешный, и начинаю неторопливым рассказом о необыкновенном житии блаженного Нифонта. Его ещё и по сию пору помнят в нашем краю.

В миру Нифонта звали Наумом. Отец его, Иван Афанасьевич, уроженец села Поливанова, при церкви был в попах и в давних летах умер. Наума взял к себе матернин дядя его, дьякон Гремячев; у дьякона Наум научился грамоте, и читал псалтырь, и был в дьячках, и через небольшое время посвящен в городе Коломне, при церкви Николая Чудотворца, в попы. Там-то я его и увидел в первый раз.

Стоял у нас в Коломне наш, князей Туреневых, осадный двор, куда бежали мы из деревень и садились в осаду, когда с Дикого Поля шёл крымский хан с большой ордой. А дороги хану не было другой, как между Донцом и Ворсклой, – либо на Серпухов, либо на Коломну. Здесь, по берегу Оки, стояли сторожи, а в городах – береговые полки. Ока так и звалась тогда – Непрелазной Стеной.

Старики говорили, велик при царе Иване был город Коломна, а я его помню, – уж запустел: в последний раз крымский хан перелезал Оку через Быстрый Брод; с тех пор лет двадцать о крымцах не было слышно, и стали вольные людишки разбегаться из города – кто на промыслы, кто в Москву, кто в степь – воровать. Остались в Коломне церковные да монастырские служители, да на осадных дворах – дворники, да на посаде среди пуста, – закованных лавок, бурьяна на огородах, – жило стрельцов с полсотни, сторожа «гуляй-города» да казённые ямщики.

В пустом городе – скука. Одни галки да голуби ворошатся на гнилой кровле, на деревянной городской стене.

Был в те времена великий голод по всей земле. Три лета земля не родила. Скот весь съели. Пашню не пахали и не сеяли. Бродили люди по лесам, по дорогам: кто в Сибирь тянул, кто на север, где рыбы много, кто бежал за рубеж на литовские, на днепровские украины. В Москве царь Борис даром раздавал хлеб, и такое множество народа брело в Москву, – дикие звери белым днём драли на дорогах отсталых, тех, кто с голоду ложился.

Разбойников завелось больше, чем жителей. Сельский дом наш сожгли бродячие люди, и мы с матушкой от великого страха жили в Коломне за стеной.

Помню, мы с матушкой сидим на дворе, на крыльце, на солнцепёке. Около стоит толстая, как бочка, попадья, босая, в лисьей рваной шубе, и говорит:

«Наступает кончение веку, матушка княгиня; иду я сейчас через мост, а на мосту безместные попы сидят, восемь попов, и все они драные, нечёсанные, и бранятся матерно, а иные борются и на кулачки дерутся. Я их страмить. А один мне поп, Наум, нашего приходу, говорит: «Царь Борис, слышь дьяволу душу продал, знается с колдунами и службы не стоит, и быть нам под Борисом нельзя, – мы все, попы, уйдём в Дикую Степь к казакам, к атаману Ворону Носу. Вы ещё нас попомните».

Матушка испугалась, увела меня в светлицу. А вечером поп Наум подошёл к нашим воротам и стал бить в них рукой, покуда его не впустили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.